

Анн Бренон

КАТАРСКАЯ ЖЕНЩИНА: РЕЛИГИОЗНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ

журнал Pirenees Cathares, 2004 г.

перевод с франц. Наталии Дульневой

Вопреки всем правилам, принятым в светском и религиозном обществе, катарские женщины - добрые женщины - сыграли важную роль в истории катаризма. Но они дорого заплатили за это - десятки из них закончили жизнь на костре.

Как и все так называемые религии Книги, и даже больше, чем другие, христианство несет ясный отпечаток мизогинии. К негативному образу Евы, всеобщей матери, описанному в Книге Бытия, и патриархальной морали всего Ветхого Завета, оно прибавило в Новом Завете несколько «сексистских» ремарок, хорошо ощутимых у апостола Павла в Первом Послании к Коринфянам (1 Кор. 11, 2-16). Всё это было собрано в каталог антифеминистских аргументов, написанный Отцами Церкви - Августином, Исидором, Амвросием и другими. Разумеется, в Средние века эта традиционная христианская мизогиния получила особенно благоприятное развитие.

В области права женщина всегда была существом, подчиненным мужской власти (вначале отца, затем мужа и сына), юридически она не существовала. Однако, в Лангедоке XII века женщины благородного происхождения или богатые горожанки имели право наследовать, распоряжаться имуществом и землями и подавать судебные иски - чего не знала последующая эволюция права.

Для клириков и монахов, формировавших доминирующую идеологию того времени, женщина оставалась искусительницей, грешницей, той, через которую пришло зло, грозной пособницей дьявола в его охоте за человеческими душами. Римо-католическая Церковь была преимущественно маскулинной; на Юге современной Франции в особенности, женские монастыри были чрезвычайной редкостью. Женщины составляли очень незначительный процент монашества, а если они и становились монахинями, то им дозволялось разве что молиться в тишине монастырей.

Возможно, своим происхождением ересь обязана еще и потребностям женщин в эмансипации в области по крайней мере религиозной и моральной жизни, а также их претензиям на признание за ними авторитета в этой сфере.

Есть сведения о том, что среди первых выявленных в Болгарии, Ломбардии и Аквитании еретиков в конце X - начале XI века, женщины были очень активны и многочисленны.

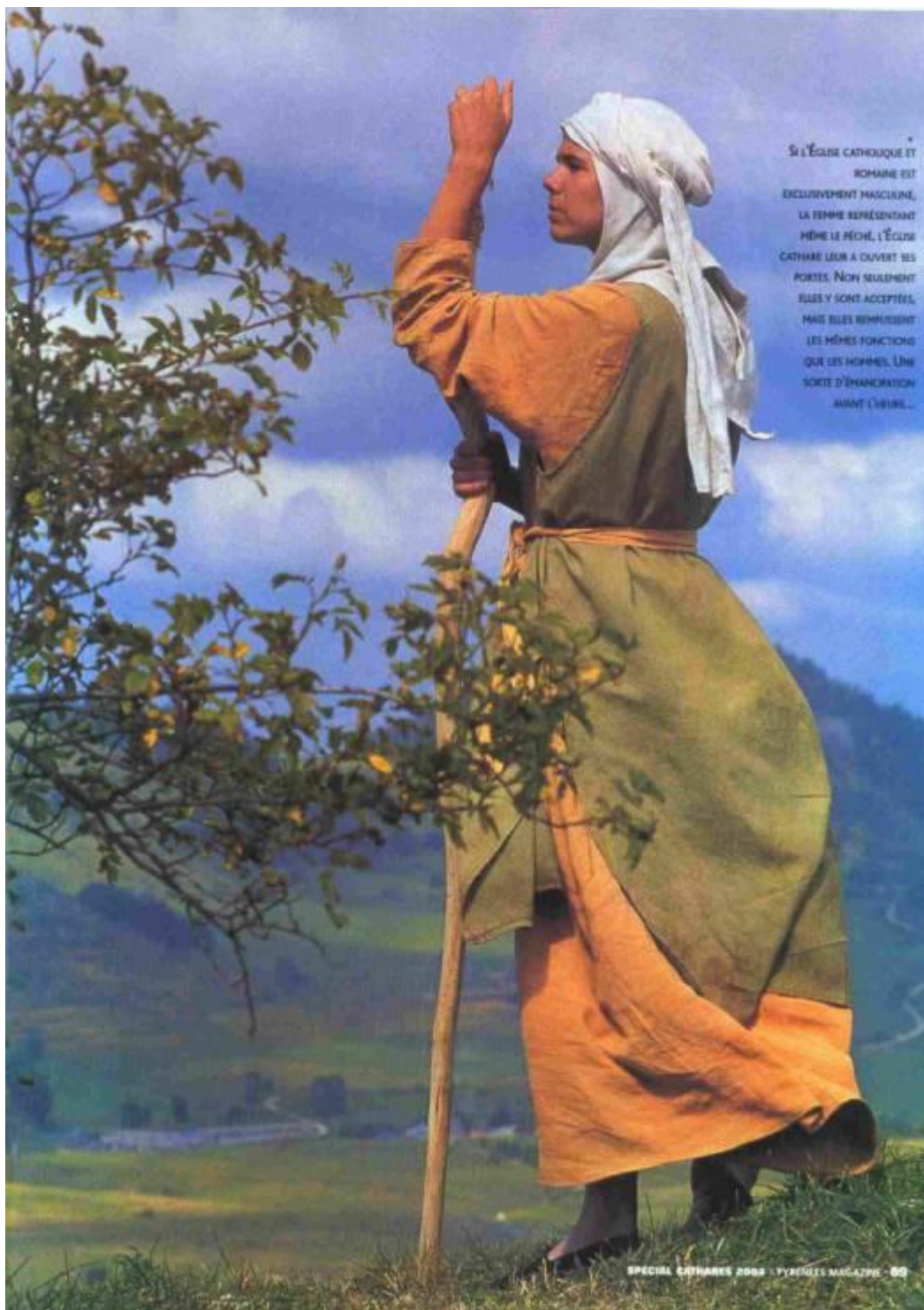

Рождество Богородицы, французская школа XV в.

Само их присутствие рассматривалось как неопровержимый и окончательный признак ереси. *«Что среди них есть женщины, и они претендуют на то, чтобы проповедовать и отпускать грехи. Но это достойно осмеяния, потому что апостол Павел, наоборот...»*

Но в рядах катарской Церкви, что исторически зафиксировано с середины XII века в Рейнских землях, а потом в Окситании, еретический клир был смешанным. *«Как есть добрые мужчины, так и есть добрые женщины, и они имеют ту же власть спасать души...»* - проповедовал еще в 1320 году Гийом Белибаст, словно откликаясь на свидетельство Эвервина де Стейнфельда, описывавшего еретиков возле Кёльна в 1143 году.

Эту *«власть спасать души»*, то есть священнические функции, Римская Церковь не признала за женщинами даже в начале XXI века, хотя сейчас в Реформистских Церквях есть женщины-пасторы (а в некоторых лютеранских и англиканских Церквях даже женщины-епископы). Но сказать, что средневековые еретики были их предшественниками - это сказать слишком мало...

Si L'ÉGLISE CATHOLIQUE ET
ROMAINE EST
EXCESSIVEMENT MASCULINE,
LA FEMME REPRÉSENTANT
MÊME LE PÈCHE, L'ÉGLISE
CATHARE LEUR A OUVERT SES
PORTES. NON SEULEMENT
ELLES Y SONT ACCEPTÉES,
MAIS ELLES REMPLISSENT
LES MÊMES FONCTIONS
QUE LES HOMMES. UNE
SORTIE D'ÉMANCIPATION
AVANT L'ÉTRANGE...

SPECIAL CATHARES 2008 - PYRENEES MAGAZINE - 69

Если Римо-католическая Церковь в Средние века была исключительно маскулинной, а женщина воплощала для нее грех, то катарская Церковь открыла женщинам свои двери. Женщин не только принимали там, но они имели те же функции и права, что и мужчины. Своего рода преждевременная эмансипация...

Добрые женщины и верующие Южных castra: родная Церковь

Изначально присутствуя среди еретиков, женщины составляли значительную часть клира катарских Церквей, когда толерантность сеньориальных властей позволила этим Церквам структурироваться в некоторых благоприятных для них регионах Европы.

Так, в Окситании до королевского французского завоевания катарское христианство структурировалось в четыре, потом пять автономных Церквей, по образцу ранних Церквей, управляемых иерархией епископов и диаконов. Будучи монахами и монахинями, *добрые мужчины* и *добрые женщины* жили в общинных домах. Как и их братья-мужчины, *добрые женщины* давали монашеские обеты бедности, целомудрия и послушания, практиковали посты и воздержания, произносили молитвы в ритуальные часы и жили в общинах. Но на этом параллели с монашеской жизнью заканчиваются.

Свободные от всякого затворничества, *добрые мужчины* и *добрые женщины* могли спокойно покидать свои общины и возвращаться туда. Их дома, скромные и многочисленные, стояли открытыми на улицах бургад, а не были отрезаны от общества роскошным одиночеством бенедиктинских и цистерианских монастырей. В общинах они собственными руками зарабатывали на свои нужды. В городе или деревне каждый мог войти к ним в дом и увидеть их христианскую жизнь: послушники, местные верующие, бедные, больные, путешественники. *Добрые мужчины* и *добрые женщины* выходили, чтобы навещать своих родителей, родственников, друзей, верующих. Даже если литургические проповеди и уделение *consolament* были преимущественно зарезервированы для епископальной иерархии (всегда мужской), *добрые мужчины* и *добрые женщины* также имели право проповедовать Евангелие, отпускать грехи и уделять *consolament*.

Именно в открытом присутствии катарского дома в недрах христианского народа состоял смысл апостольского служения *добрых женщин* в окситанских бургадах. Социология окситанского катаризма XIII столетия богато документирована архивами Инквизиции. Несмотря на серьезные лакуны в этой документации, можно констатировать особенно значительное «участие женщин в лангедокском катаризме», перефразируя название серьезного исследования американских историков Ричарда Абельса и Эллен Харрисон, вышедшего еще тридцать лет назад. Даже если выводить статистические данные из средневековых архивов довольно рискованно, можно подсчитать, что процентный состав женщин среди катарского клира был около половины: это очень значительное количество.

Те же архивы Инквизиции дают множество информации о *добрых женщинах* и катарских *женщинах-верующих*, об их социальном происхождении, семейных и соседских связях, условиях жизни и религиозных практиках. Знакомство с этими источниками создает впечатление интенсивной религиозной жизни женщин. Вначале, то есть в мирные времена, мы замечаем, что катарское религиозное призвание носит несколько аристократический оттенок: это призвание великих дам - графиня Фелипа де Фуа и ее золовка Эксклармонда де Иль-Журден, Бланша де Лаурак и ее дочь Мабилля, Ода де Фанжу и ее дочь Индия, Раймонда де Рокфор и ее дочь Романгас, Гарсенда дю Ма и ее дочь Гайларда, и многие другие. В относительно смешанном обществе *castra* - где разные социальные классы жили бок о бок и взаимно влияли друг на друга, пример «матриархинь» (М.Рокеберт) катарской знати, без сомнения, оказывал значительное влияние на женское население. В начале XIII столетия религиозные дома *добрых женщин* были повсюду заметны и открыты для женщин из бюргерской, ремесленнической и крестьянской среды.

Добрые женщины не просто были святыми женщинами, идущими по дороге спасения: они оставались матерями, сестрами, тетями - часто вместе вступавшими в общину и религиозную жизнь - никогда не теряя тесной связи со своими семьями и являясь объектом восхищения для женщин из своей среды и окружения. Они проповедовали для верующих женщин, они занимались

прозелитизмом. Это массовое вовлечение женщин в катарскую Церковь обеспечивало последней глубинное и длительное социальное укоренение - укоренение в сердце семьи. Оно же, несомненно, обеспечивало катаризму неотъемлемый характер родной и братской религии, чем объясняется ее удивительное и долгое сопротивление репрессиям папы и короля Франции - двадцать лет священной войны (1209-1229) и сто лет Инквизиции (1233-1330).

Репрессии и преследования: сопротивление

Tasunium Sanitatis: сбор фиалок, итальянская школа XIV в.

Крестовый поход против альбигойцев посеял ужас. В захваченных городах *добрых мужчин* и *добрых женщин* сотнями сжигали на кострах. Их христианское мученичество удвоило рвение верующих: во время короткой окситанской реконквисты (1218-1225 гг.) - между поражением Монфора и вступлением в войну короля Франции - множились призывания, разбитые Церкви были восстановлены, дома *добрых женщин* восстали из пепла. Но Парижский трактат 1229 года стал поражением графа Тулузского и южных феодалов. Оказавшись без поддержки, весь катарский клир, епископы, диаконы, *добрые мужчины* и *добрые женщины*, ушли в подполье. Но очень долгое время их защищали и охраняли ревностные верующие.

Добрые женщины подполья - аристократки или крестьянки, без разницы - проповедовали и уделяли утешение. Верующие принимали их у себя дома, а потом, когда с установлением инквизиторской бюрократии опасность стала ужасной, они прятались в овинах и на хуторах, в подземельях, пещерах

и амбарах, жили в пастушеских летниках на пастбищах. Их кормили, приходили слушать их проповеди, просить их благословения. Тогда же, во время последних стычек войны виконта Тренкавеля в 1240 году, войны графа Тулузского в 1242 году против давящего катка королевской армии, рыцари-*фаидиты* с яростью убивали тех, кто жег их матерей и сестер. После падения Монсегюра и великого костра 1244 года, у катарских Церквей уже не было исторического будущего. Политической поддержки больше не существовало: граф Тулузский покорился. Больше не было религиозной организации: Церкви были сожжены. Наиболее отчаявшиеся уходили в ломбардское изгнание. Ужасная атмосфера страха и доносов, ставших системой, приводила к выдаче все большего и большего количества последних подпольных монахов, а инквизиторская полиция прочесывала местность. В этих отчаянных условиях, после 1250 года, количество добрых женщин все больше сокращалось. Их заменили *добрые верующие*, оказавшие в самые черные годы агонии веры их матерей наиболее ожесточенное сопротивление - они прятали и кормили добрых людей, приходящих ночью, заключали с ними пакт *convenensa*, долженствующий обеспечить им «счастливым концом», они шли на огромный риск, чтобы, например, больной дед мог получить *consolament*, иногда без ведома мужа.

Во времена последней и самой страшной инквизиторской травли в начале XIV века, когда тиски сжались, а перед кафедральными соборами горели костры, последняя *добрая женщина* Ода Буррель, из Лиму, монашеское имя Жаметта, управляла тайным домом Церкви в Тулузе, на улице Этуаль. От Монтаю до Монклер в Кверси и Верден-Лаурагэ *добрых верующих женщин* арестовывали, судили, осуждали целыми семьями. Они шли в заточение в Мур или на костер за повторное впадение в ересь; умерших эксгумировали и сжигали.

До самого конца истории катаризма, его поддерживало вовлечение женщин - от графинь де Фуа (Фелипа, Эксклармонда, Эрмессенда) до крестьянок Монтаю (Гильельма, Раймонда, Азалаис). Эта каждодневная верность является доказательством настоящего мужества, которое, как минимум, заслуживает уважения.